

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В США: О ЧЕМ СПОРЯТ АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИКИ?

А.И. Кубышкин, И.А. Цветков

Рассмотрены научные и институциональные проблемы, вызывающие наиболее активные дискуссии среди современных американских историков. Освещены темы влияния экономического кризиса на историческую профессию, эволюции сюжетных предпочтений в рамках исторических исследований за последние десятилетия, оценки итогов «культурного поворота» в исторической методологии. В качестве наиболее заметных тенденций развития современной исторической науки в США охарактеризованы трансграничный подход и «цифровая» история.

Ключевые слова: историография, история США, американские историки, трансграничный подход, культурный поворот, цифровая история

The article examines the scholarly and institutional problems that cause the most active discussions among contemporary American historians. The themes of the impact of the economic crisis on the historical profession, topics of historical research over the past decades, and the evaluation of the results of the «cultural turn» in historical methodology are covered. A special attention is given to the transnational approach and the digital history as the most notable trends in the development of modern historical scholarships the U.S.

Key words: historiography, U.S. history, American historians, transnational approach, cultural turn, digital history

Состояние исторической науки в США на протяжении многих десятилетий было предметом пристального внимания советских (российских) исследователей. Н.Н. Болховитинов, И.П. Дементьев, Г.Н. Севостьянов, В.К. Фураев, А.А. Фурсенко, В.О. Печатнов, В.В. Согрин и многие другие отечественные историки-американисты внесли значительный вклад в изучение тенденций развития американской историо-

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: компаративный анализ».

графии. В.А. Тишков подробно остановился на институциональной характеристике исторического сообщества в США¹.

В последние годы интенсивность изучения американской историографии в России существенно снизилась. Это связано не только с кардинальными изменениями в исторической науке в Соединенных Штатах, но и со значительным переосмыслением научных целей, задач и методов в исторических штудиях в самой России. Отказ от предшествующих канонов исторического знания и поиски новых создали ситуацию, в которой обращение к иностранному опыту выглядит естественным, но сопряжено со значительными трудностями. Во времена исторического материализма можно было использовать эту методологию как точку отсчета и проводить классификацию «буржуазных» направлений историографии по степени их отклонения от «истинного учения». В нынешней ситуации такой метод не работает.

В данной статье предпринята попытка охарактеризовать современное состояние исторической науки в США с использованием методов институционального и историографического анализа. Нам хотелось дать оценку современных тенденций развития профессионального сообщества американских историков, определить, какие сюжеты и методологические подходы считаются наиболее популярными, а какие, наоборот, относят к категории устаревших и малоинтересных. Также мы пытались выяснить, что происходит в настоящее время в США с традиционными направлениями исторических исследований, какие метаморфозы они претерпевают для того, чтобы выстоять в жесткой конкурентной борьбе.

В своих выводах мы опирались, в первую очередь, на материалы, опубликованные в ведущих научных исторических журналах, а также на сайтах наиболее авторитетных профессиональных организаций американских историков: Американской исторической ассоциации (АИА)² и Организации американских историков (ОАИ)³.

История как научная дисциплина на протяжении последних десятилетий XX в., и в начале нынешнего, находилась в США на подъеме. В университетах росло число кафедр (департаментов), значительно увеличилось число научных публикаций, организовывалось множество национальных и региональных конференций, существенно увеличился объем финансирования, создавались и успешно развивались новые научные направления. Ключевыми факторами этого роста был кумулятивный эффект долговременного успешного институционального развития, а также своеобразная академическая инерция.

¹ Тишков В.А. История и историки в США. М., 1985.

² The American Historical Association (<https://www.historians.org>).

³ The Organization of American Historians (<http://www.oah.org>).

Однако финансовый кризис 2008–2009 гг. послужил началом совершенно иного и непривычного для американских историков понижающего тренда. Стало сокращаться число преподавательских ставок в университетах. К 2015 г. количество вновь создаваемых позиций на кафедрах истории упало до самого низкого показателя за 40 лет (587), хотя тремя годами ранее новых рабочих мест для историков было почти вдвое больше — 1064⁴.

Еще более тревожной выглядит статистика соотношения присужденных докторских степеней по историческим наукам и новых преподавательских позиций. Впервые с начала учета подобных данных в середине 1970-х гг., в 2015 г. эта пропорция упала ниже 50% — т.е. меньше половины молодых докторов-историков могут рассчитывать на трудоустройство в современных американских университетах.

Ситуация усугубляется и тем, что ядро исторической корпорации в США сегодня составляют уже «внуки бэби-бума» — относительно молодые историки в возрасте 42–50 лет: это означает, что «демографическое давление» на профессию не ослабнет в ближайшее десятилетие в результате освобождения ставок вышедшими на пенсию ветеранами⁵.

Рост конкуренции в академической среде в долгосрочной перспективе может сыграть положительную роль, но на данном этапе его воздействие носит преимущественно травмирующий характер. Это неизбежно сказывается и на научных результатах, тем более, что современные экономические и институциональные проблемы пришлись на период очередного методологического кризиса в американской исторической науке, вызванного исчерпанием потенциала эмансипационных концептов 1970–1980-х гг. и так называемого «культурного поворота» 1990 — начала 2000-х гг.

Симптомом методологического кризиса в исторической науке США стало всеобщее увлечение дискуссией об итогах «культурного поворота». Довольно часто авторы статей и монографий прямо констатируют необходимость качественных изменений в подходах к историческим исследованиям, высказывают рекомендации (чаще всего, применительно к собственной сфере специализации), но никто пока не заявляет о грядущей, и тем более состоявшейся, смене методологической парадигмы.

Понять, в какой точке методологической эволюции находится сегодня американская историческая наука, могут помочь данные институциональной статистики. Начиная с 1975 г., сотрудники АИА вели учет

⁴ *Townsend R.B., Brookins J.* The Troubled Academic Job Market for History // *Perspectives on History*. 2016. February (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/february-2016/the-troubled-academic-job-market-for-history>).

⁵ *Ibid.*

всех существующих в стране кафедр истории, работающих на них специалистов, собирали сведения об их научных интересах. Анализ этих сведений дает возможность обнаружить подъемы и спады интереса исследователей к отдельным историческим «субдисциплинам». Очевидно, что подобная динамика непосредственно связана с трендами в методологии, эволюцией того, что можно назвать «научной модой».

За четыре десятилетия (1975–2015) в США произошло довольно заметное смещение акцентов в понимании того, чем следует заниматься историкам, на какие темы и сюжеты обращать первостепенное внимание.

Список исторических субдисциплин, заметно сдавших свои позиции за 40 лет наблюдений (учитывались данные о сфере специализации, указанные сотрудниками исторических кафедр в анкетах), выглядит следующим образом: история внешней политики и дипломатии (спад на 60%), экономическая история (на 57%), интеллектуальная история (на 46%), история права (на 28%), социальная история (на 27%)⁶.

Этот набор субдисциплин-аутсайдеров почти полностью совпадает с набором самых востребованных в 1960–1970-е гг. сюжетов. Очевидно, что к середине второго десятилетия XXI в. увлечение экономической и социальной историей осталось далеко в прошлом.

Тем не менее, две традиционные субдисциплины сохранили свое влияние и даже демонстрировали некоторый рост: военная история (рост на 13%), политическая история (на 10%)⁷. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что дело тут не в консерватизме американских историков, сохраняющих интерес к изучению войн и политических катаклизмов вопреки всем модным веяниям, а в обновлении военной и политической истории, которое они претерпели в рамках «культурного поворота». Войны в последние годы гораздо чаще изучаются не в классическом виде, как череда сражений, противостояние великих полководцев или даже экономических потенциалов сторон, а как социокультурный феномен, через призму повседневной жизни, микроистории, индивидуальных биографий или их воздействия на разного рода групповые идентичности. Эта тенденция в полной мере относится и к такому популярному сюжету североамериканской историографии, как история Гражданской войны США (1861–1865).

⁶ *Townsend R.B.* The Rise and Decline of History Specializations over the Past 40 Years // *Perspectives on History*. 2015. December (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/december-2015/the-rise-and-decline-of-history-specializations-over-the-past-40-years>).

⁷ *Ibid.*

Лучше всего в институциональной статистике отражаются метаморфозы, принесенные в историческую науку Соединенных Штатов «культурным поворотом». Несколько новых, модных направлений показали за 40 лет впечатляющую положительную динамику: гендерная / женская история выросла в популярности на 797% (!), расовая / этническая история — на 220%, история религии — на 147%, культурная история — на 109%, история труда на 95%, экологическая история на 93%, история сексуальности — на 90%, история науки и технологий — на 69%⁸.

Приведенные данные наглядно показывают, какие институциональные последствия для исторической науки в США имел так называемый «культурный поворот», кульминация которого пришлось на 1990-е гг. Процессы, рассматриваемые историками-традиционалистами в качестве второстепенных и зависимых от базовых политических, экономических или социальных тенденций, стали восприниматься в рамках «культурного поворота» в качестве наиболее значимых и определяющих ход истории. В центре внимания молодого поколения американских историков на рубеже XX–XXI вв. оказалась история формирования культурных смыслов и групповых идентичностей, а также влияние, оказываемое на этот процесс сексуальной или этнической принадлежностью, материальным достатком, профессией, окружающей средой, физической природой человека.

Тем не менее, сегодня можно говорить если не о спаде интереса к «культурной истории», то о растущих сомнениях в перспективности дальнейших исследований такого рода. Разнообразные вызовы современности требуют от историков уделять внимание вещам, которые, вроде бы, давно отнесены к категории устаревших и не представляющих интереса для исследователей. Например, шокировавшее многих избрание Дональда Трампа на пост президента США заставило говорить о катастрофическом снижении квалификации специалистов по истории американской внутренней политики и электоральной системы. Лучшие кадры ушли в сферу гендерных и экологических исследований, и доносить до американского общественного мнения угрозы, связанные с популизмом и политическим радикализмом, оказалось просто некому⁹.

В результате в современной исторической литературе США все большее распространение получает рефлексия по поводу итогов

⁸ *Townsend R.B.* The Rise and Decline of History Specializations over the Past 40 Years.

⁹ *Logevall F., Osgood K.* Why Did We Stop Teaching Political History? // *The New York Times*. August 29, 2016 (https://www.nytimes.com/2016/08/29/opinion/why-did-we-stop-teaching-political-history.html?_r=0).

«культурного поворота», производится оценка его достижений и слабостей, предпринимаются попытки выйти за пределы данной методологической парадигмы и нащупать возможные направления дальнейшего развития. Довольно часто это принимает форму возвращения к «хорошо забытому старому», происходит возрождение традиционных исторических специализаций на новом витке методологической спирали. Наиболее характерно в этом отношении внимание к нарративной, политической и дипломатической истории.

Но, конечно, речь не идет о полном отрицании выводов и методологических ориентиров историков периода «культурного поворота». Вопрос ставится иначе: как новое знание, полученное в результате двух десятилетий тщательного изучения культурных феноменов, может обогатить наши представления о политике, дипломатии, военных конфликтах, социально-экономических противоречиях — т.е. о всем том, что находилось на периферии внимания ученых в последнюю четверть века.

Характерным примером может служить анализ методологических проблем в изучении экономической истории, предложенный президентом АИА Барбарой Вайнштейн в 2008 г. В своем обращении к конгрессу американских историков она остановилась на проблеме неравенства и выдвинула тезис о том, что теперь, после «культурного поворота», историки уже не могут рассматривать этот сюжет с использованием старых категорий доходов, уровня жизни, бедности и т.п. Неравенство, заявила Вайнштейн, — это, прежде всего, культурный конструкт, и его невозможно интерпретировать с помощью одних лишь количественных показателей, без «культурной привязки» к эпохе и региону¹⁰.

По прошествии 9 лет, в 2017 г., очередной президент АИА П. Маннинг снова обратился к теме «конструируемого неравенства», по-разному воспринимаемого в различные эпохи, и предложил еще более расширить пространство интерпретации неравенства за счет факторов окружающей среды и даже новых данных, полученных исследователями человеческого генома¹¹.

Таким образом, «культурный поворот» сегодня воспринимается американскими историками, прежде всего, как момент перехода к «плотному описанию» в истории, если воспользоваться терминологией культурного антрополога К. Гирца. «Культурный поворот» открыл историкам

¹⁰ *Weinstein B.* Developing Inequality // *The American Historical Review*. 2008. Vol. 113. Iss. 1. February (<https://academic.oup.com/ahr/article/113/1/1/41057/Developing-Inequality-Barbara-WeinsteinDeveloping>).

¹¹ *Manning P.* Inequality: Historical and Disciplinary Approaches // *The American Historical Review*. 2017. Vol. 122. Iss. 1. February (<https://academic.oup.com/ahr/article-abstract/122/1/1/2967165/Inequality-Historical-and-Disciplinary?redirectedFrom=fulltext>).

глаза на необыкновенную сложность исторических феноменов, а современные историки продолжают усугублять эту сложность за счет междисциплинарных связей и расширения географического охвата проводимых исследований.

Еще один вариант выхода за пределы сложившейся «культурной» парадигмы: перенесение акцента на новые феномены общественного развития, в полной мере проявившие себя лишь в XXI в. Наиболее заметные из таких феноменов — это глобализация и «цифровая революция», радикально поменявшие множество структур и практик человеческой жизни. История трансграничных взаимодействий и распространения информации в разные эпохи становятся сегодня в США наиболее модными и быстро растущими научными направлениями.

Таким образом, ключевыми факторами развития исторических исследований в современных Соединенных Штатах следует признать: 1) сохраняющуюся инерцию периода «культурного поворота»; 2) стремление историков-традиционалистов вернуть классические сюжеты в академический мейнстрим; 3) распространение новых технологий и социокультурных практик, требующих внимания к себе со стороны профессиональных историков.

Хорошей иллюстрацией методологической и институциональной динамики, претерпеваемой историческими субдисциплинами в современных США, является пример такого традиционного научного направления, как история дипломатии.

Историки, занимающиеся историей внешней политики и дипломатии США, пережили в 1960–1970-е гг. период серьезного снижения интереса к своей теме, которая рассматривалась в академическом сообществе как малоперспективная в методологическом плане. Несмотря на острую политическую актуальность, связанную с событиями «холодной войны», история дипломатии не вписывалась в модные тренды, в соответствии с которыми настоящим ученым следовало заниматься социальной и экономической историей, активно внедрять количественные методы, использовать потенциал новых электронно-вычислительных технологий, позволяющих обрабатывать большие массивы источников.

Кроме того, нарративный подход, традиционно используемый историками дипломатии, считался в этот период в среде американских историков чуть ли не признаком непрофессионализма, отказа от подлинно научного подхода к изучению исторического прошлого.

Не сдерживаемые подобными корпоративными стандартами американские политологи и журналисты все сильнее «отнимали хлеб» у профессиональных историков дипломатии, заполняли прилавки книжных магазинов добротными популярными публикациями на внешнеполи-

тические темы. Исследовательские центры, действовавшие вне университетской среды и ориентированные на прикладную аналитику, также выступали прямыми конкурентами для университетских специалистов по истории внешней политики.

Однако сегодня, по прошествии трех с половиной десятилетий, история внешней политики и дипломатии как академическая субдисциплина чувствует себя в США вполне востребованной, находится на передовых рубежах в плане методологии и научной актуальности. Что же произошло, почему «культурный поворот», пережитый американской исторической наукой после увлечения социальной историей и клиометрией, вместо того, чтобы окончательно «добить» дипломатическую историю, вновь вознес ее на вершину академического пьедестала?

Специалисты, анализирующие эту ситуацию, говорят о нескольких группах факторов. Во-первых, распространение конструктивистских подходов в теории международных отношений позволило навести методологические мосты между последователями «культурного поворота» в истории и историками внешней политики. Рассмотрение внешней политики, прежде всего, как дискурса сразу избавило данный предмет от любого налета позитивистской архаичности и традиционности, поставило его в один ряд с другими культурными феноменами, составляющими живую ткань исторического процесса¹².

Внимание к идеям, формулировкам внешнеполитических доктрин, а через это — к изучению «мягкой силы» как важнейшей составляющей международных отношений позволило вписать историю внешней политики и дипломатии в общую междисциплинарную парадигму социальных наук, сделать ее составной частью широкого дисциплинарного поля, объединяющего «традиционные» предметы, такие как политическая или социальная история, с «современными» направлениями вроде истории гендера или истории эмоций. В рамках этой парадигмы любая сфера человеческой деятельности, порождающая культурные смыслы и вносящая вклад в формирование идентичностей разного уровня, представляет интерес и достойна самого пристального изучения.

Во-вторых, современные историки дипломатии в США сумели не просто взять на вооружение модные дискурсивные практики, но и предложить богатый материал для обоснования тезисов, первоначально выдвинутых в рамках совершенно иных социальных дисциплин. Отличным примером здесь можно считать использование гендерного подхода к истории внешней политики, который не просто смещает фокус на ранее игнорируемые сюжеты, но и обеспечивает

¹² Zeiler T.W. The Diplomatic History Bandwagon: A State of the Field // The Journal of American History. 2009. March. P. 1056.

сторонников гендерной методологии целой системой новых аргументов, подтверждающих справедливость их воззрений на природу социальных взаимодействий.

В широко цитируемой статье известного специалиста по истории «холодной войны» Ф. Костиглиола, написанной в 1997 г., для объяснения процессов, происходящих в общественном мнении США и стран Западной Европы периода «холодной войны» использован гендерный анализ внешнеполитической риторики знаменитого американского дипломата Дж. Кеннана. На основе изучения текстов рабочих дневников Кеннана автор утверждает, что репрезентация Советского Союза в образе маскулинного насильника позволила значительно ускорить формирование антисоветского консенсуса в США и Западной Европе в 1940-е гг., несмотря на сохранявшиеся симпатии к стране-участнице Антигитлеровской коалиции¹³.

Другая любопытная интерпретация событий внешнеполитической истории представлена в монографии не менее известной представительницы гендерного подхода К. Хогансон о причинах начала американо-испанской войны 1898 года¹⁴. Согласно собранным Хогансон данным, внезапный всплеск военной истерии в американском обществе можно интерпретировать как бунт мужчин в эпоху исчезнувшего фронта: произошедший в предшествующие годы подъем феминизма, в сочетании с отсутствием традиционных клапанов для оттока маскулинной энергии, просто не мог не породить компенсаторной реакции.

Наряду с анализом внешнеполитического дискурса и изучением гендерных факторов во внешней политике, еще одним обстоятельством, способствовавшим определенному успеху истории международных отношений в эпоху победившего постмодернизма и глобализации, стал так называемый «транснациональный тренд». Его воздействие на характер занятий американских историков-международников можно разделить на две фазы. Первоначально, еще до «культурного поворота», в моду стала входить «мультиархивная» методология, которая подразумевала обязательное изучение архивов всех стран, вовлеченных в то или иное международное взаимодействие¹⁵. Отход от америкоцентричности

¹³ Costigliola F. Unceasing Pressure for Penetration: Gender, Pathology, and Emotion in George Kennan's Formation of the Cold War // *The Journal of American History*. 1997. Vol. 83. March.

¹⁴ Hoganson K.L. *Fighting for American Manhood: How Gender Politics Provoked the Spanish-American and Philippine-American Wars*. New Haven, 1998.

¹⁵ Одним из «пионеров» данного подхода был известный американский историк Акира Ириё (Akira Iriye), президент АИА в 1988 г. См.: Iriye A. The Internationalization of History // *The American Historical Review*. 1989. Vol 94. No. 1. February (<https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/presidential-addresses/akira-iriye>).

в изучении различных международных систем постепенно превратился в правило хорошего тона: дело дошло до того, что значительная часть исследований по истории американской внешней политики стала посвящаться не Соединенным Штатам, а странам третьего мира, и различным негосударственным акторам, косвенно влияющим на внешнеполитическое поведение великих держав, в частности — США.

Начало второй фазы развития транснационального подхода пришлось на рубеж 1990–2000-х гг., когда возникла мода на разного рода «трансграничные» исследования: изучение зон соприкосновения этносов, государств, локальных культур. Подобные пограничные зоны стали восприниматься как средоточие неординарных культурных феноменов, причудливых идентичностей, которые выглядели весьма перспективными объектами для исследований в условиях торжествующего в методологии «культурного поворота».

Именно трансграничный тренд имел самые многообещающие последствия для истории внешней политики и дипломатии как особой академической субдисциплины, которая к концу первого десятилетия XXI в. снова стала модной и актуальной. Это хорошо заметно по содержанию выпусков старого и влиятельного журнала «Diplomatic History». Ранее немислимые на его страницах «постмодернистские» сюжеты в последние годы стали доминирующими, определяющими генеральную линию журнала. Активно идет и обратный процесс, специалисты по истории дипломатии стали желанными авторами в журналах по женской, экологической и этнической истории¹⁶.

Другой пример торжества трансграничного подхода в американской дипломатической истории — премии Общества американских историков внешней политики (существует с 1967 г.), которые в последние годы выдавались за исследования на такие темы, как транснациональная история движений за права диссидентов, борьбы чернокожих за гражданские права или демократического протеста против войны во Вьетнаме¹⁷. Примечательно, что эта тенденция хорошо заметна не только в узком кругу специалистов по внешней политике, но и в рамках всей американской исторической корпорации. Так, в 2013 г. только 40% книг, удостоенных премий АИА, не использовали в той или иной мере трансграничного подхода.

О буме на трансграничные исследования и методологических вопросах, возникающих в связи с этим, подробно рассуждал в 2014 г. в своем президентском послании к АИА видный специалист по истории между-

¹⁶ Zeiler T.W. Op. cit. P. 1054.

¹⁷ The Stuart L. Bernath Book Prize // The Society for Historians of American Foreign Relations. (<https://shaftr.org/content/stuart-l-bernath-book-prize-0>).

народных отношений, профессор Чикагского и Калифорнийского университетов К. Померанц. Он отметил несколько интересных аспектов проблемы¹⁸.

Во-первых, Померанц указал на чрезмерное увлечение трансграничными подходами, что уже привело к превращению «классических» специалистов по истории США или отдельных стран Европы чуть ли не в изгоев на некоторых университетских кафедрах.

Во-вторых, председатель АИА отметил тенденцию к окончательному методологическому развенчанию нации как единицы исторического анализа. Специалисты по локальной истории сегодня уже не склонны рассматривать свои выводы как «кирпичики» для построения «большой» национальной истории. Они предпочитают либо считать эти выводы самоценными, либо включать их в максимально широкий всемирный контекст. Например, современные авторы исследований об истории американских городов гораздо более охотно рассуждают о глобальных проблемах урбанистики, чем о том, как региональная специфика соотносилась с тенденциями развития США на национальном уровне.

Таким образом, нация как аналитический «юнит» подвергается синхронному давлению сторонников локального и глобального подходов. Померанц полагает, что эта «денационализация» истории несет в себе существенную угрозу, прежде всего из-за утраты политической релевантности исторического дискурса. Транснациональная история больше не может служить цели воспитания лояльного гражданина своей страны. Весьма любопытно, что данный процесс воспринимается американскими историками как одна из форм исторического презентизма: увлекшись транснациональными феноменами, историческая наука в США лишь реагирует на вызов глобализации, переносит современные представления о взаимосвязанном мире на прошлые эпохи, когда контактов между разными регионами было гораздо меньше. И, конечно же, российских историков не могут не удивить сетования американцев на сокращение политической релевантности истории: в российском контексте проблемой чаще выступает, наоборот, чрезмерная политизированность исторических исследований.

Безусловно, успех «новой дипломатической истории» был обусловлен, главным образом, тем, что американские ученые довольно радикально поменяли предмет и метод своих штудий. В связи с этим правильнее говорить не о том, что в США возрождается интерес к истории

¹⁸ *Pomeranz K. Histories for a Less National Age // AHA History and Archives* (<https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/presidential-addresses/kenneth-pomeranz>).

внешней политики и дипломатии, а о том, что «культурный поворот» в социальных науках помог сгенерировать несколько новых сюжетов, косвенно связанных с традиционной проблематикой дипломатической истории, — и это спасло дисциплину от стагнации, в которой она пребывала в начале 1980-х гг. Конечно, сегодня в США вряд ли кого-то можно увлечь старым спором о том, кто виноват в начале «холодной войны» или где следует искать корни американского империализма. Да и само название «История внешней политики и дипломатии» теперь лишь приблизительно соответствует тематике проводимых исследований. Возможно, в ближайшее время стоит ожидать изменений не только в сути, но и во внешних атрибутах данной исторической субдисциплины (в частности, идут разговоры о переименовании профессиональной ассоциации)¹⁹.

Новые цифровые технологии стали огромным вызовом для историков по всему миру. Вопрос о том, как изучать и преподавать историю в эпоху Интернета, баз данных и электронных книг, пока еще далек от разрешения. В США дискуссии на эту тему, по понятным причинам, начались раньше, чем в других странах, и к настоящему времени вышли на уровень принятия практических решений, направленных на превращение «цифровой истории» во вполне уважаемое и популярное научное направление.

Очевидно, что «цифровая история» не просто открывает новые возможности для историков-исследователей, но и вносит коррективы в социальные функции истории, меняет механизмы функционирования исторической памяти. Сокращается разрыв между историками-профессионалами и историками-любителями. Исторический нарратив, ранее передаваемый через книги и журналы, а также кинематограф, перемещается в интернет-среду и преобразуется в соответствии с законами этой среды. Клиповость, визуальность, интерактивность постепенно превращаются в основные характеристики исторического текста, что не просто меняет его восприятие, но и формирует новое отношение к истории как неотъемлемому элементу повседневной реальности. Если раньше история «жила» в школьных учебниках, книгах и кинофильмах, рассказах старших родственников — теперь она переместилась в ежедневную новостную ленту, стала гораздо более важным источником аргументов в повседневных разговорах.

К категории «цифровой истории» принято относить несколько видов научной деятельности. Сразу же после появления Интернета началась работа по оцифровке документов и книг, созданию электронных баз, решению технических и правовых вопросов доступа к этим массивам

¹⁹ Zeiler T.W. Op. cit. P. 1055.

информации. Безусловно, эта работа была и остается чрезвычайно важной для создания новой информационной среды, в которой существует современный историк-исследователь.

Однако почти одновременно с деятельностью по созданию цифровых массивов исторических данных началось и преобразование методологии исторических исследований, ее приспособление к новой информационной реальности. Поначалу многим историкам казалось, что литература и новые массивы источников, ставшие доступными благодаря Интернету, лишь упростят их работу, позволят достигать цели исследований более быстро и эффективно. Но к настоящему времени выяснилось, что новая информационная среда активно стимулирует исследователей к постановке оригинальных целей, формулированию совершенно особых вопросов к историческому прошлому. Это позволяет говорить о «цифровой истории» как о специальном направлении исследований, а не просто способе интенсификации работы в рамках традиционной исторической науки.

Многие американские историки и целые исследовательские коллективы активно работают над проектами в области «цифровой истории». Полученные результаты служат наглядным подтверждением тезиса о взаимосвязи между характером используемых источников и исследовательской методологией. В рамках «цифровой истории» именно цифровые источники и возможность цифровой репрезентации результатов исследования часто выступают определяющими факторами при формулировании методологии, а не наоборот. В каком-то смысле это можно признать недостатком — ведь предполагается, что в идеале историк должен формулировать цели и задачи своего исследования, опираясь на историографию, научную и общественную актуальность той или иной темы. В случае с «цифровой историей», основное влияние на содержание исследования оказывает удобство электронной обработки определенного типа источников и, самое главное, перспективность интернет-репрезентации результатов научной работы.

Например, значительным достижением в области «цифровой истории» считается сетевой проект историка из Университета Северного Техаса (Дентон) Э. Торджета. Проект посвящен изучению рабовладения в районе американо-мексиканской границы в 1820–1850-е гг.²⁰ Начав с оцифровки архивов и составления электронной базы рабовладельцев региона, Торджет впоследствии совместил эту базу с интерактивными картами, использовал мультимедийные технологии для визуализации важнейших социальных и политических изменений на протяжении рассматриваемого периода. Итогом работы стало не только создание ин-

²⁰ The Texas Slavery Project (<http://www.texaslaveryproject.org/>).

тернет-сайта, но и написание диссертации, значительная часть которой была посвящена даже не истории американо-мексиканского пограничья, а описанию того, как эта история может быть наиболее эффективно представлена в цифровом виде.

Другой примечательный проект в области «цифровой истории» запустил известный историк Р. Уайт, один из ведущих представителей популярного историографического направления «новая история Запада» (имеется в виду запад Соединенных Штатов Америки). Проект был изначально посвящен развитию железных дорог в западных регионах США и прилегающих государств, но постепенно превратился в настоящий исследовательский хаб для «цифровых историков», изучающих различные аспекты истории американского Запада²¹. Уже из названия созданного Уайтом и коллегами сайта («Пространственная история») видно, что ключевой темой, раскрываемой в рамках этого проекта, выступают пространственные взаимосвязи между частями исследуемого региона — именно они лучше всего поддаются визуальной репрезентации с помощью цифровых технологий. Как пишут о себе сами авторы «Пространственной истории», их подходы отличаются от подходов «нормальных историков» пятью элементами: их исследования проводятся в рамках большого коллектива; их основной инструмент — компьютер; основной метод — визуализация; выводы не окончательны, постоянно подвергаются корректировке; концептуально их объединяет исследование пространства²².

Особый колорит вносит «цифровая история» и в практики университетского преподавания. Здесь мы наблюдаем картину, схожую с ситуацией в области научных исследований — изменения, изначально воспринимаемые в количественном смысле (больше ценных для преподавания материалов, больше визуальных и мультимедийных инструментов), постепенно становятся качественными, наполняют процесс преподавания новыми смыслами, меняют его целеполагание и для студентов, и для преподавателей.

Приведем несколько примеров. С 2012 г. на историческом отделении Университета штата Мичиган (Michigan State University) существует Лаборатория цифровых исследований. По словам декана отделения У. Хоуторна, лаборатория создавалась для того, чтобы ликвидировать сложившийся в настоящее время дисбаланс: цифровые технологии уже используются историками-исследователями активнейшим образом, а в преподавании истории методы работы со студентами мало поменялись с XIX в.

²¹ Spatial History Project (<http://spatialhistory.stanford.edu>).

²² About the Project // Spatial History Project (<http://web.stanford.edu/group/spatialhistory/cgi-bin/site/page.php?id=1>).

Деятельность лаборатории сосредоточена вокруг трех основных направлений, составляющих суть «цифровой революции» в истории: сбор и компьютерная обработка крупных массивов данных, разработка и использование интернет-технологий для публикации результатов исторических исследований, использование мультимедиа (от фото и видео презентаций до 3d-принтеров для воссоздания исторических артефактов).

По отзывам студентов, работающих под руководством профессора американской истории Д. Бэйли, «цифровая история» позволила им взглянуть на исторические исследования совершенно по-новому. Студентка Д. Йенси, занимающаяся историей афроамериканцев, в течение 15-недельного семестра создала интернет-сайт, посвященный американским чернокожим изобретателям. По ее словам, никогда прежде в ходе обучения она не испытывала сравнимого чувства практической значимости учебной работы. С помощью сотрудников лаборатории Йенси удалось не просто разместить во Всемирной сети некоторое количество эссе и фото-видеоматериалов по своей теме, но и разработать множество интерактивных инструментов, стимулирующих посетителей сайта к более глубокому и интенсивному освоению темы²³.

Таким образом, мы видим, что «цифровая история», буквально, открывает для студентов новые горизонты: получая образование, они одновременно производят некий общественно-полезный продукт. Учебные задания, не утрачивая своего учебного смысла, приобретают новое значение, становятся важны не только для преподавателей, оценивающих полученные знания, но и для широкой интернет аудитории. Естественно, это служит мощнейшим стимулом для учебной работы.

Преподаватели также начинают иначе расставлять акценты в своей деятельности: теперь для того, чтобы увлечь предметом студентов, недостаточно быть хорошим рассказчиком или маститым ученым — необходимо также ориентироваться в цифровых технологиях, причем на более высоком уровне, чем студенты. Необходимо постоянно придумывать новые формы и новые инструменты вовлечения студентов в занятия «цифровой историей».

Конечно, у всех цифровых новаций в преподавании истории есть и противоположная сторона: на нее, например, очень убедительно указал У. Кронен в своем президентском обращении к АИА в 2013 г. Он заметил, что Интернет бросает серьезнейший вызов традиционным институтам исторической науки, от книг до университетов. Студенты не читают книг, причем не из-за лени или чрезмерной занятости, а пото-

²³ Hawthorne W., Locke B., Yancey D.A. Digital History, from Both Sides // Perspectives on History. 2016. November (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/november-2016/digital-history-from-both-sides>).

му что психически и эмоционально уже не способны воспринимать длинные тексты, которые вызывают у них почти физиологическое отторжение. Постепенно утрачивается сама способность получать удовольствие от долгого, вдумчивого чтения, усваивать знания, полученные таким путем²⁴.

Одновременно ставится под сомнение и целесообразность получения образования в университете, он все больше воспринимается как формальная институция, необходимая для карьерного продвижения, но не обладающая монополией и даже какими-то особенными преимуществами в качестве источника знаний. Онлайн-обучение, интерактивные технологии и гипертексты оказываются гораздо более эффективными для реализации индивидуальных образовательных стратегий, чем университетские лекции и семинары.

Тем не менее, конечно, даже самые радикально настроенные американские историки не говорят об окончательной смерти книг и университетов, речь идет о формах адаптации традиционных институтов к вызовам цифровой эпохи.

В частности, по мере развития «цифровой истории» как научного направления, остро встал вопрос о формальных академических критериях, позволяющих оценить уровень «научного продукта», производимого «цифровыми историками».

На отделении истории Университета Джорджа Мэйсона (Виргиния) в 2015 г. было разработано «Положение о цифровых диссертациях»²⁵. Согласно этому положению, претендент на получение Ph.D. может представить результаты своего исследования в форме «цифровых модулей», представляющих собой, например, электронную базу данных или картографическую визуализацию. Естественно, такие части диссертации, как «Введение» и «Заключение», предоставляются в традиционной текстовой форме, но в остальном автор диссертации не ограничен какими-либо формальными рамками — при условии, что он соблюдает профессиональные академические стандарты, разработанные АИА²⁶.

Защиты «цифровых диссертаций» по разным дисциплинам в последние годы проводятся во многих университетах США. Довольно часто их

²⁴ Cronon W. Storytelling // АНА History and Archives (<https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/presidential-addresses/william-cronon>).

²⁵ Denbo S. George Mason History Department Adopts Digital Dissertation Guidelines // Perspectives on History. 2015. December (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/december-2015/george-mason-history-department-adopts-digital-dissertation-guidelines>).

²⁶ Statement on Standards of Professional Conduct // АНА. Jobs & Professional Development (<https://www.historians.org/jobs-and-professional-development/statements-standards-and-guidelines-of-the-discipline/statement-on-standards-of-professional-conduct>).

основой становится интернет-сайт, как в случае с диссертацией А. Висконти из Университета штата Мэриленд, посвященной творчеству Дж. Джойса²⁷. Историки пока только «прощупывают почву», но первые примеры диссертаций, защищенных в «смешанной», «полуцифровой» форме, уже имеются.

Есть все основания полагать, что в ближайшие годы в США будет происходить бурное развитие данного подхода к историческим исследованиям, тем более, что АИА уже разработала «Руководство по найму и карьерному продвижению “цифровых историков”» (июнь 2015 г.)²⁸. Призывы к формализации и упорядочению данной сферы раздавались еще с конца 1990-х гг., принятие «Руководства» должно стать важным рубежом, моментом приобретения «цифровой историей» в США нового статуса и положения в академической среде.

Секции «цифровой истории» на последних конвентах АИА выглядели очень впечатляюще и привлекали к себе огромный интерес. По тематике этих секций можно судить о важнейших направлениях, по которым развивается сегодня в США «цифровая история». В 2016–2017 гг. на «цифровых» секциях шла речь об использовании компьютерных технологий для обработки больших массивов исторических текстов («big data»); о географической визуализации данных о работоторговле в Атлантике и об истории коренных американцев; о создании архивов электронных документов, возникших в интернет-эпоху и не имеющих бумажных прототипов; о преподавании истории в новых «цифровых» реалиях²⁹.

Подводя итоги, можно заметить, что историческая наука в США переживает довольно бурный и непростой период. Очевидные признаки кризиса (сокращение постоянных университетских ставок, исчерпание методологического потенциала «культурного поворота», потрясение устоев «книжной» культуры под воздействием новых медиа) соседствуют с впечатляющими достижениями и открытием новых перспективных направлений исторических исследований.

Ключевым кодовым словом современной историографической эпохи в США можно признать «трансграничность» в самых разных смыслах: от продолжающихся уже не первое десятилетие призывов

²⁷ Infinite Ulysses (<http://www.infiniteulysses.com/>).

²⁸ Guidelines for the Professional Evaluation of Digital Scholarship by Historians // АНА. Teaching & Learning (<https://www.historians.org/teaching-and-learning/digital-history-resources/evaluation-of-digital-scholarship-in-history/guidelines-for-the-professional-evaluation-of-digital-scholarship-by-historians>).

²⁹ Denbo S. Bits of the Past: Digital History at #АНА16 // Perspectives on History. 2015. November (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/november-2015/bits-of-the-past-digital-history-at-aha16>).

к пресловутой междисциплинарности до разнообразных попыток преобразования сложившейся в эпоху национальных государств системы исторических субъектов, действующих лиц исторической сцены.

Совершенно естественной в этом контексте выглядит привнесенная вместе с новыми цифровыми технологиями мода на картографические мультимедийные визуализации: эта форма репрезентации результатов исторических исследований как нельзя лучше соответствует трансграничному подходу, ставшему путеводной звездой для большинства американских историков.

Вместе с тем, «трансграничная» и «цифровая» история все-таки еще не превратились в абсолютную доминанту американской историографии. Эпоха «культурного поворота» способствовала не только распространению новых научных направлений, таких как история гендера, история эмоций или история окружающей среды, но и реакции на них со стороны классических историков-нарративистов, с тревогой наблюдающих, как любимый и понятный предмет исследований на глазах превращается в набор экзотических, а часто и политически мотивированных сюжетов. Для этой категории американских историков новомодные увлечения «трансграничностью» или «цифровой историей» выглядели не преодолением «перегибов» периода «культурного поворота», а продолжением пагубной для исторической науки тенденции к разрушению ее фундамента — исторического нарратива, многократно помогавшего вытянуть американскую (и не только) историографию из разнообразных методологических завихрений³⁰. Уже с середины 1990-х гг. отчетливо слышен голос историков, которые утверждают, что престиж и общественную востребованность исторической профессии обеспечат не новые методы, оригинальные темы и мультимедийные презентации, а «рассказывание историй, которые интересны широкой публике»³¹. Политический шок, вызванный избранием президента Д. Трампа, наверняка усилит позиции историков-традиционалистов, которые в последние месяцы активно продвигают тезис о печальных последствиях отрыва исторической науки, увлекшейся методологическими новациями, от суровой общественно-политической реальности.

³⁰ Один из наиболее часто цитируемых текстов в защиту нарративной истории принадлежит перу П. Лимерик. См.: *Limerick P. Dancing with professors: The trouble with academic prose // The New York Times. October 31, 1993* (<http://wolfweb.unr.edu/homepage/calabj/pdf/Academicprose.pdf>).

³¹ *Cronon W. Op. cit.*